

Невскій Проспектъ.

ОЧЕРКЪ

В. Недешевой.

Цѣна 5 коп.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1906.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

I. Типы Невскаго проспекта:

- 1) Наши Донъ-Жуаны, петербургскіе львы и волки: офицеръ, генераль, директоръ департамента, юнцы.
- 2) „Погибшія созданья“: Клара, Катенька, Машка и Дашка „Мадама“ (драма изъ-за цѣлковаго) городская и деревенская Любочка и Любка.

II. О проституціи:

- 1) Причины проституціи.
 - 2) Проституція какъ моральное убійство.
 - 3) Отношеніе общества къ убійцѣ и къ жертвѣ.
 - 4) Средства женской самозащиты.
 - 5) Проституція и свобода чувства.
 - 6) Ложное ученіе о свободѣ чувства и результаты его.
 - 7) Наши передовые люди и женскій вопросъ.
 - 8) Гипотеза будущаго.
 - 9) Будущіе идеалы человѣчества.
-

EESTI

RAHVUSRAAMATUKOGU

2-08-08291

*«Буди сознание въ человѣкѣ»;
«Пусть къ лучшей жизни онъ идетъ.»*

Невскій проспектъ.

Теплый лѣтній вечеръ. Невскій залитый электричествомъ кишитъ публикой. Зеркальныя окна магазиновъ сверкаютъ золотомъ, серебромъ, брилліантами; пестрѣютъ живыми и искусственными цвѣтами. Шелкъ, бархатъ, кружева, тысячи разныхъ предметовъ роскоши такъ и бьютъ въ глаза прохожимъ. На блескъ и роскошь, какъ бабочки на огонь, слетаются отовсюду женщины всякаго сорта. Подъ руку съ мужьями идутъ нарядныя дамы, подметая тротуаръ шлейфами. Не смотря на ранній часъ вечера уже шныряютъ «погибшія, но милыя созданья». Добродѣтель и порокъ, служа одному культу роскоши, перемѣшиваются между собою. Невскій, этотъ широкій рынокъ моды и красоты всѣхъ равно влечетъ къ себѣ какою-то магическою силой.

Еле пробираясь по краю тротуара, я наблюдаю эту разношерстную толпу. Вотъ идетъ извѣстная всему Петербургу Клара. Это высокая, красивая брюнетка съ жгучими черными глазами, замѣтно подрисованными и сильно накрашенная. Она одѣта, какъ говорится, «съ шикомъ», но нѣсколько пестро; до невозможности перетянутой таліей напоминаетъ осу. Надъ широчайшими полями ея шляпы высоко вздымается, какъ побѣдоносный трофей австралійскаго дикаря, огромный пучекъ перьевъ, издали похожій на флюгеръ волнуемый вѣтромъ. Зорко, беспокойными глазами эта ночная хищница вглядывается въ проходящихъ мужчинъ. Ея заискивающая улыбка, раздвигая красныя, жизнерадостныя губы, выказываетъ два ряда острыхъ, бѣлыхъ зубовъ. Бросая направо и налево ласково-дерзкіе, вызывающіе взгляды, она плыветъ съ побѣдоноснымъ видомъ, покачиваясь боками и виляя во всѣ стороны длиннымъ хвостомъ. Отъ этой особы прямо въ носъ публикѣ бьетъ сильный запахъ одуряющихъ духовъ.

Эта дама обращает на себя всеобщее вниманіе. Пожилые мужчины смотрят на нее съ насмѣшливымъ любопытствомъ опытныхъ волокитъ, мысленно оцѣнивающихъ эту «штучку». Молодые люди пожираютъ ее глазами; нѣкоторые изъ нихъ, встрѣтивъ краснорѣчивый взглядъ кокетки смущенно опускаютъ голову и торопливо, какъ испуганные зайцы, спѣшатъ прошмыгнуть мимо этой ужасной женщины. Другіе, напротивъ, покорно идутъ за ней, точно загипнотизированные. Пощипывая воображаемые усики, съ смущенной улыбкой робкаго восторга, эти скороспѣлые юнцы оглядываютъ ее всю съ головы до ногъ. Скромныя дѣвочки-подростки въ форменныхъ гимназическихъ платьяхъ тоже съ наивнымъ восхищеніемъ смотрятъ на шикарную даму, жадно вдыхая запахъ ея духовъ. Женщины бѣглымъ, внимательнымъ взглядомъ осматриваютъ ея костюмъ, мысленно рѣшая и себѣ сдѣлать такой-же во что-бы то ни стало.

Продолжая свой обзоръ Невскаго проспекта, я встрѣчала массу женщинъ подобнаго типа. Казалось, что въ облакахъ газа и электричества сама богиня моды незримо летала надъ толпой, намѣчая себѣ все новыя и новыя жертвы. Я шла, внимательно вглядываясь въ каждое лицо, прислушиваясь къ разговорамъ, и цѣлое море психологіи открывалось передо мною.

Вотъ, напримѣръ, парочка: нарядная, развязная особа и рядомъ съ ней скромно одѣтая молодая дѣвушка, почти ребенокъ съ ясными дѣтскими глазами и розовыми щеками, ненуждающимся пока въ косметику;

— Ахъ, если-бы встрѣтить моего офицера! вздохнула молодая дѣвушка.

— Брось, Катька, свои глупости! говорю тебѣ который разъ. Неужели ты думаешь, что онъ на тебѣ женится?

Вертявая особа прибавила еще нѣсколько нецензурныхъ словъ и хрипло засмѣялась.

— Молчи, молчи! Какъ тебѣ не стыдно!

Вспыхнула дѣвушка. На глазахъ ея блеснули слезы.

— Ну, ты опять собираешься нюни распускать! Чистая канитель съ тобой! Вотъ, погляди-ка по той сторонѣ купецъ идетъ, помнишь, тотъ богачъ, что былъ у насъ. Да будь-же ты веселѣе, мамочка!

— Ахъ, что мнѣ купецъ!

Съ отчаяніемъ проговорила дѣвушка, но вдругъ вся

просіяла, встрепенулась: быстрой, легкой походкой, позвякивая шпорами, проходила мимо красивый гусарскій офицеръ, съ тонкими, словно точеными чертами лица, съ лихо закрученными усиками. Гордо подняявъ голову онъ прошелъ мимо, даже не взглянувъ на ту, которая отдала ему все, что имѣла: и душу и тѣло. Это былъ извѣстный всему Петербургу столичный левъ, погубившій массу женскихъ сердець, кутила, промотавшій миллионное состояніе и весь въ долгу, какъ въ шелку.

Между тѣмъ молодая дѣвушка прислонилась къ окну магазина, схватившись за сердце и ничего не видя передъ собой помутившимися отъ слезъ глазами. Къ ней подошелъ какой-то франтъ. Черезъ минуту они повернули въ боковую улицу и скрылись въ дверяхъ ресторана, гдѣ бѣдная дѣвушка напьется до одурѣнія, а потомъ такъ и покатится внизъ со ступеньки на ступеньку.

Вотъ идетъ другая пара подругъ. Одна дѣвица хорошо одѣта, въ шляпкѣ; другая въ скромномъ ситцевомъ платьѣ и въ платкѣ.

— Не везетъ мнѣ, Машка. Сколько ни хожу, на хлѣбъ не могу заработать, говоритъ скромно одѣтая.

— А ты въ шляпкѣ гуляй! совѣтуетъ подруга.

— Пробовала я и въ платкѣ и въ шляпкѣ, Сонька давала свою,—все одинъ чертъ! никакого мнѣ счастья нѣтъ!

— Очень ужъ ты простая, и лицо у тебя простое, деревенское, здѣсь ведь городъ,—надо чтобы все было по-городски, по-питерски. Забудь ты деревню, одѣнься барышней! Вотъ и будешь хорошо зарабатывать.

— Да на что одѣться-то, когда ѣсть нечего?

— Ну, подожди, я тебѣ свою старую шляпу подарю, и жакетъ у меня есть старый... Еще когда я въ содержанкахъ у капитана жила,—онъ тебѣ какъ разъ будетъ впору. А такой тетехой кому ты понравишься?

Проговорила дѣвушка, жалостливо взглянувъ на подругу. Однако нарядная, не упуская случая, стрѣляла глазами направо и налево, а скромная шла понутивъ голову.

— Ну, о чемъ опять призадумалась? сказала нарядная,—помни мое правило самое главное: будь веселѣе! Мужчины любятъ веселыхъ. «Хоть въ сердцѣ ядъ, пусть блестятъ взглядъ! передъ толпой пляши и пой!» Тихонько зашѣла она еще довольно свѣжимъ голосомъ, стрѣлянувъ глазами въ проходившаго мимо студента.

— Да гдѣ-же тутъ быть веселой, когда на душѣ кошки скребутъ!... То мать вспомнишь... деревню...

— А ты все таки улыбайся, про мать забудь! Она все равно теперь тебя не признаетъ. Тоска возьметъ пей! все какъ рукой сниметъ. Вѣдь вотъ и я также нони распускала,—ничего, привыкнешь, ободряла подруга.

Бѣдная дѣвушка, смахнувъ съ рѣсницъ слезинку, попробовала улыбнуться, но улыбка вышла какая-то кислая. Сытые, счастливые люди такъ не улыбаются.

Вотъ ихъ нагоняетъ другая пара подругъ. Онѣ весело, даже слишкомъ весело болтаютъ. Одна слегка заплетающимся языкомъ рассказываетъ своей спутницѣ:

— Ну, ужъ и покутили мы! Шампанскаго сколько выпили — страсть! И пиво дули и водку всю ночь напролетъ.

Дѣвицы быстро проходятъ впередъ и я слышу уже совсѣмъ другой разговоръ.

— Только одна слава, что у хозяйки живешь: по три дня не жравши сидимъ, мрачно сообщаетъ пестро одѣтая, размалеванная особа другой такого-же типа

Другой голосъ восклицаетъ съ жаромъ:

— Вотъ гдѣ можно хорошо заработать! Публика тамъ все богатая. Но только туда ѣхать, нужно быть очень хорошо одѣтой. У другой ровно ничего нѣтъ кромѣ костюма «ни кожи, ни рожи», какъ говорится, а ей платятъ бѣшенныя деньги. За что спрашивается? За однѣ тряпки

— Ну, это и вездѣ такъ. Вѣдь мужчины — дураки. Они не смотрятъ, что у тебя въ душѣ, а смотрятъ, какъ ты одѣта.

Вдругъ за моей спиной раздается хриплый шопотъ:

— Меня продаютъ за рубль

— А меня уже пустили по полтиннику... Это послѣ больницы

Я вздрогнула всѣмъ тѣломъ, будто меня ударили палкой и пропустила впередъ говорившихъ. Почувствовавъ внезапно сильное изнеможеніе, я остановилась на минуту, чтобы перевести духъ. Ко мнѣ разлетѣлся какой-то франтъ: Позвольте, барышня, васъ проводить!

Закусивъ дрожащія отъ негодованія губы, я иду дальше. Передо мной мелькаютъ парочки все тѣхъ-же типовъ. Изрѣдка попадаются и въ одиночку „эти дамы“. Всѣ онѣ подгоняемыя голодомъ торопливо несутъ на рынокъ свою красоту... Но сколько ихъ! откуда онѣ берутся? Онѣ точ-

но изъ-подъ земли выростають эти верглявыя, пестрыя женскія фигуры въ розовыхъ улыбающихся, маскахъ. Онѣ идутъ, онѣ плывутъ цѣлыми тучами, и кажется, имъ не будетъ конца...

И эта позорная купля-продажа живыхъ людей совершается на глазахъ у всего свѣта! Гдѣ-же вы, господа передовые люди, пекущіеся о благѣ человѣчества? Какъ можете вы допустить подобный позоръ въ своемъ отечествѣ? Неужели при видѣ этого возмутительнаго безобразія не вырвется у васъ душераздирающій крикъ: Пощадите! вѣдь эти женщины—такіе-же люди! Пощадите въ женщинѣ человѣка.

Вѣдь у нихъ такъ же какъ у насъ есть душа и сердце... У каждой есть, или была мать, которая, быть можетъ, всѣ старыя глаза свои выплакала, переворачивая въ душѣ убійственную мысль о позорѣ своей любимой дочери. У нѣкоторыхъ есть отцы, почтенные труженики. Какъ на нихъ-то должно было подѣйствовать паденіе ихъ дочерей, вспоенныхъ и вскормленныхъ на ихъ цѣломъ и кровью заработанные гроши? Они бѣдные такъ надѣялись, что со временемъ дѣтки выростутъ и сами будутъ кормить стариковъ. Мечты... мечты!.. Выросли дѣтки не на радость, а на горе. Какой позоръ для семьи!.. Каждый считаетъ своимъ долгомъ швырнуть камнемъ въ „погибшее созданье“.

О, несчастная женщина—раба, игрушка, вещь въ рукахъ мужчины! Женщина униженная, оскорбленная, обезличенная почти во всѣхъ странахъ міра! Посмотрите, что у насъ дѣлается! Въ нашей цивилизованной странѣ, какъ будто у чернокожихъ дикарей устраивается охота на женщину. И это въ XX вѣкѣ! Женщину травятъ точно звѣря. Если-же она иногда сама идетъ въ разставленные ловушки, то знайте, что голодъ толкаетъ ее, а прелюбодѣи мужчины эксплуатируютъ этихъ голодныхъ.

Но идемте, читатель, дальше по Невскому проспекту! Взгляните сюда: вотъ важно шагаетъ солидный, пожилой господинъ въ цилиндрѣ. Какой благонадежностью вѣтетъ отъ всей его благородной фигуры, пропитанной запахомъ дорогой сигары и самыхъ тонкихъ духовъ; на рукѣ у него блеститъ обручальное кольцо. Навѣрное этотъ солидный господинъ—отецъ многочисленнаго семейства, директоръ какого-нибудь департамента и вышелъ прогуляться послѣ сытнаго обѣда.

Вотъ шествуетъ на встрѣчу ему другой такой-же приличный господинъ. Они обмѣнялись улыбками и поклонами, дружно обнаруживъ предательскія лысины. Лукаво подмигнувъ на проходящую мимо кокотку, они весело продолжали путь, заглядывая подъ всѣ дамскія шляпки. Ясно, что оба вышли на охоту.

А вотъ тащится сморщенный старичекъ генераль, несчастный подагрикъ съ краснымъ носомъ. Онъ едва волоочить старья ноги; „изъ него уже песокъ сыплется“, какъ выражаются въ народѣ, но все-же выпѣвѣтающими, подслѣповатыми глазами старикъ жадно впивается въ каждую смазливую рожицу и по временамъ что то шамкаетъ про себя, точно смакуя беззубнымъ ртомъ тонкое гастрономическое блюдо. Костлявыми руками въ бѣлыхъ перчаткахъ старикъ поддерживаетъ на впалой груди тяжелую николаевскую шинель, которая виситъ на немъ какъ на вѣшалкѣ, концы шинели волочатся по тротуару. Старикъ путается въ своей хламидѣ дрожащими ногами, но все-же плетется дальше и дальше... И вообразите, что эта старая рухлядь въ генеральской формѣ, эта живая ходячая смерть каждый вечеръ фланируетъ такимъ образомъ по Невскому проспекту. У генерала, какъ видно, масса знакомыхъ: онъ то и дѣло раскланивается направо и налево:

— Здравствуйте, Ваше Превосходительство! Какъ поживаютъ ваши внуки? — слышится чей-то громкій, насмѣшливый возгласъ.

— Что... имъ... дѣлается! Сидятъ себѣ дома... да... А я гуляю... гуляю... и старичкамъ... кха! кха!.. кха!.. гулять хочется.

Хрипитъ старичекъ, какъ старый, разбитый грамофонъ; послѣ каждаго слова онъ кашляетъ и плюется.

— А! здравствуйте, генераль! Гуляете?

Фамильярно дернувъ генерала за рукавъ, останавливаетъ его какой то штатскій съ длинными усами.

— Все на счетъ клубнички прохаживаетесь, старый грѣховодникъ?

Наклонившись шепчетъ ему на ухо штатскій и лукаво посмѣивается.

— Хе!.. хе!.. хе!.. злой... злой насмѣшникъ! Кха... кха... кха.. „Люби... всѣ возрасты... покорны“!

Шипитъ генераль, брызгая на штатскаго слюной.

— Гуляйте, гуляйте, генераль! Ужъ недолго вамъ гу-

лять „Проживать въ красѣ и въ холѣ, свѣтлой сбруей щеголять“!.. кушайте пока живы! на томъ свѣтѣ не дадутъ вамъ клубнички.

Еще парочка! Неужели и эти тоже?.. Но вѣдь это со-всѣмъ еще дѣти: дѣвочки лѣтъ десяти, двѣнадцати, въ ситцевыхъ юбочкахъ, въ коротенькихъ кофточкахъ, въ платочкахъ и съ огромными кардонками въ рукахъ.

Одна изъ нихъ полная, краснощекая, черноглазая о чемъ-то живо нашептываетъ другой. Другая дѣвочка немножко повыше ростомъ, худенькая, некрасивая, рыженькая, съ веснушками на нѣжномъ лицѣ и съ заплаканными глазами

— Идемъ же, Дашка! говорить толстуха, хватая подругу за рукавъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Машка, не пойду!—испуганно вскрикиваетъ рыженькая дѣвочка вырываясь.

— Вотъ дура-то! Онъ цѣлковый обѣщаетъ... онъ говоритъ, что любитъ рыжихъ...

Не знаемъ, какъ долго можетъ устоять самая стойкая добродѣтель передъ искушеніемъ цѣлковаго. Обстоятельства такого рода: эта дурнушка какъ-то случайно попала къ „мадамѣ“ въ мастерскую. Но „не въ шитьѣ была тамъ сила“. Ястребиные глаза „мамамы“ лишь подстерегали удобный моментъ, чтобы повыгоднѣе продать свой „живой товаръ“. Операціями подобнаго рода она уже скопила себѣ порядочный капиталецъ.

Дурнушку „мамама“ не взлюбила съ перваго же дня. А теперь еще случилось такое несчастіе—перебѣгая черезъ Невскій съ кардонкой въ рукахъ, дурнушка чуть не попала подъ пролетку, запряженную парой кровныхъ рысаковъ, и съ испугу потеряла цѣлковый, который ей дала хозяйка на покупку ленты. „Мамама“, была въ этотъ день почему то не въ духѣ и обрадовалась случаю сорвать свою злость на беззащитной дѣвочкѣ,—больно прибила ее, оставила безъ обѣда и выгнала на улицу со словами: „Безъ цѣлковаго не смѣй мнѣ на глаза показываться,—гдѣ хочешь, достань“!

Да, бываютъ въ жизни драмы, гдѣ цѣлковый играетъ важную роль. Вамъ, изящныя дамы, конечно знакомы эти дѣвочки—подростки въ платочкахъ и ситцевыхъ юбочкахъ. Вы ждете ихъ появленія съ такимъ нетерпѣніемъ. Но онѣ

сами по себѣ для васъ ничуть не интересны. Даже и вскользь не взглянувъ на нихъ, вы лишь жадно набрасываетесь на тѣ кардонки съ дорогими тряпками, которые вамъ протягиваютъ ихъ руки, исколотыя иглками и нерѣдко покрытыя хозяйскими синяками. Дѣвочки робко съ видомъ затравленнаго звѣрька чуть смѣютъ ступить на коверъ вашей передней. Бѣдняжки бѣгутъ къ вамъ что есть духу черезъ Невскій, пробираясь руками и боками сквозь нарядную толпу и лелѣя въ умѣ единственную мечту получить отъ васъ хоть двугривенный «на чаекъ», чтобы кушать французскую булку и пол-фунта колбасы. Еще-бы! онѣ такъ заморены на хозяйскихъ харчахъ, что колбаса съ чеснокомъ имъ представляется необыкновеннымъ лакомствомъ. Подумайте только: французской трехкопѣечной булки и пол-фунта колбасы иногда бываетъ совершенно достаточно для человѣческаго счастья. Да, ничтожны мечты этихъ дѣвочекъ-подростковъ и не трудно ихъ осуществить,—нужно лишь имѣть на двугривенный сердца! Увы! какъ часто мечты остаются мечтами...

Но дѣвочки подрастаютъ, все продолжая таскать по Невскому хозяйскія кардонки; между тѣмъ хозяйскія „операции“, губительная атмосфера чужой роскоши и собственной безпросвѣтной жизни дѣлаютъ свое дѣло. Мечты о французской булкѣ смѣняются мечтами о французскихъ шляпкахъ, духахъ и проч., и постепенно совершается полная метаморфоза.

...Тяжка! Мамка! гдѣ вы? Лежите-ли вы въ сырой землѣ, или все еще сидите тамъ въ дереннѣ на хлѣбѣ съ мякиной, мечтая о свѣтломъ будущемъ, когда будете ѣсть чистый ржаной хлѣбъ, заработанный дѣтками? Придите, полюбуйте на свою дочку! Вотъ она ваша Любочка, ваша доченька, дитято желанное, Богомъ данное. Отправили вы дочку въ Питеръ и Любочка обратилась въ Любку, въ отчаянную, циничную дочь улицы. Поѣзжайте на одну изъ далекихъ окраинъ города, загляните въ глухой, темный переулочекъ, весь застроенный кабаками и публичными дамами. Вотъ она ваша дѣвочка, дочка родная идетъ пьяная, оборванная, растрепанная; идетъ, со стороны на сторону покачивается и оретъ во всю глотку непристойныя пѣсни.—Это уже послѣдняя ступенька, дальше идти некуда, выше не пустять, а ниже уже нельзя! „она прошла всѣ пять этажей“. Убийственно длинная цѣпь преступ-

лений, порока и зла—это ея жизнь. А вѣдь все началось съ кардонокъ, господа, и... съ цѣлковаго.

Однако мы съ нашимъ пылкимъ воображеніемъ перелетѣль далеко за предѣлы роскошнаго Невскаго, гдѣ гуляетъ только приличная публика и съ нею бокъ о бокъ толкается только приличный, позолоченный развратъ, еще не спустившійся въ подвалы глухихъ, вонючихъ переулковъ. Придетъ и его время. Отхлынуть волны человѣческаго смрада и грязи, чтобы уступить мѣсто на широкой дорогѣ разврата новымъ волнамъ. Но когда еще это будетъ! Не смущайтесь-же пока тревожными думами вы изящные господа въ цилиндрахъ и съ кокардами! Хватайте, ловите еще полныя жизни плѣнительныя тѣла „погибшихъ но милыхъ созданій“! Впивайте въ себя губительный ядъ разврата и насыщайте имъ юныя поколѣнія. И вы, молодые люди, утоляйте вашъ голодъ! Голодный человѣкъ не разборчивъ. Не чувствуете вы, что вмѣсто «божественнаго нектара любви» пьете изъ омерзительно грязныхъ кубковъ какіе-то грязные помои. Пейте, если вамъ не противно, и наслаждайтесь! Растлѣвайте все, что дала вамъ мать-природа—и душу и тѣло, но помните, что настанетъ день и часъ, когда вы окажетесь полными банкротами. И банкротство это уже наступаетъ. Вѣстники его: всеобщее переутомленіе и цѣлая армія болѣзней, гложущихъ чело-вѣчество со всѣхъ концовъ. Родъ человѣческой съ каждымъ поколѣніемъ все мельчаетъ и вырождается. Пора, пора подумать о спасеніи!

* * *

Главный корень проституціи несомнѣнно скрывается въ нашихъ экономическихъ условіяхъ. Женщина продаетъ свое тѣло ради куска хлѣба. Намъ извѣстны примѣры женщинъ, которыя содержатъ своимъ позорнымъ ремесломъ цѣлыя семьи—свои, или даже чужія.

Съ другой стороны проституція поддерживается безнравственностью мужчинъ; мужчины оправдываютъ свой порокъ, ссылаясь на „законъ природы“. Половую потребность они сравниваютъ съ состояніемъ голода. Но насколько это сравненіе справедливо?

Мы полагаемъ, что очень многіе мужчины не имѣютъ даже понятія о голодѣ, а страдаютъ лишь чрезмѣрными,

искусственно возбуждаемыми аппетитами. Голодь и аппетитъ—двѣ вещи разныя. Голодь—понятіе ясное и опредѣленное, а аппетитъ—понятіе крайне неопредѣленное и растяжимое. Одинъ едва способенъ пообѣдать какъ слѣдуетъ одинъ разъ въ день, а другой преисправно кушаетъ по два обѣда. Голодь по мѣрѣ насыщенія человѣка всегда убываетъ, а аппетитъ напротивъ, можетъ и прибавляться. Аппетитъ приходитъ съ ѣдой—„L'appetit vient en mendeant“ говоритъ французская пословица.

Вкусы также бываютъ разнообразны. Одинъ любитъ кровавый англійскій бифштексъ, а другой съ наслажденіемъ глотаетъ устриць. Одному нравятся полныя, краснорыбныя, крупныя женщины, другой предпочитаетъ блѣдныхъ, хрупкихъ, невинныхъ дѣвочекъ. И въ Петербургѣ есть мужчины, которые всю жизнь продовольствуются только невинными дѣвочками.

Самое сильное чувство голода выражается словами: „волчій аппетитъ“. Но это выраженіе неправильно. Волкъ страшенъ только когда онъ голоденъ; въ сытомъ же состояніи волкъ никогда не тронетъ человѣка. Для удовлетворенія волчьяго аппетита человѣку нужно совѣмъ немного, ровно столько, сколько требуетъ организмъ; „душа мѣру знаетъ“... Но мы съ нашими аппетитами далеко опередили волковъ. Въ поздній часъ вечера у насъ на Невскомъ между голодными волками бродитъ масса совершенно сытыхъ волковъ. Развѣ только одни неженатые платятъ дань проституціи? Женатые тоже развратничаютъ, еще какъ!

О, эти господа тонкіе гастрономы, такіе приличные, воспитанные на видъ! Имъ никогда и въ голову не придетъ мысль украсть изъ кармана чужой платокъ. На такое гнусное преступленіе они неспособны. Но когда у нихъ разыграется аппетитъ, они ни передъ чѣмъ не останавливаются, даже передъ невинной дѣвочкой, у которой еще молоко матери на губахъ не обсохло. Насладившись досыта, они бросаютъ ее на произволь судьбы.

Но позвольте, вѣдь это не носовой платокъ. Это кража самая крупная, какую можно себѣ представить. Вы украли у бѣдной дѣвушки стыдъ, совѣсть, честное имя, молодость, свѣжесть. Вы украли у нея все, что она имѣла, весь ея капиталъ, а это далеко не мелкая монета. На эту монету она могла купить то, чего вы не купите ни за какія

деньги: истинную, чистую любовь, счастье, семью, всё, чистая радости жизни. Она такъ свято въ тайникѣ души лелѣяла свою завѣтную мечту. Вы же, набросившись какъ хищный звѣрь, отнимаете все, что она имѣетъ и потомъ бросаєте ее, какъ негодную тряпку.

Едва опомнившись отъ ужаса паденія, едва осмысливъ свою роковую ошибку, молодая дѣвушка еще съ большей страстностью начинаетъ мечтать о своемъ идеалѣ, инстинктивно ищетъ себѣ опору жизни, защитника, ангела-хранителя. Но кто возьметъ ее теперь? Она уже падшая женщина. Родные, знакомые, — всё отвернулись отъ нея; возврата къ прежней честной жизни нѣтъ. Отъ одиночества и отчаянія несчастная женщина бѣжитъ туда, гдѣ ее не отталкиваютъ, а принимаютъ съ распростертыми объятіями.

Всѣ мечты объ идеалѣ разлетаются какъ дымъ. Суровая дѣйствительность вмѣсто воплощенныхъ идеаловъ посылаетъ ей навстрѣчу одни блуждающіе огоньки, которые часто загоняютъ ее въ непроходимое болото порока. И вотъ, женщина, утопивъ въ винѣ и развратѣ совѣсть, принуждена до самой смерти влечить позорное существованіе какого-то жалкаго пресмыкающагося.

Вы не считаете падшую женщину за человѣка, но забывайте, что когда-то и она была человѣкомъ, до тѣхъ поръ, пока не познакомилась со звѣремъ въ образѣ мужчины. Такая падшая женщина, конечно, уже не настоящій человѣкъ, а ходячее живое тѣло съ мертвой душой. Вы-же ея обольститель—вы воръ и убійца!

Страшно становится при мысли, сколько такихъ мертвецовъ бродитъ посреди живыхъ людей. Сколько палачей и убійцъ! Весь этотъ ужасный міръ порока вертится на томъ, что мужчина систематически убиваетъ женщину. Всѣ эти гнусные убійцы женщины разсуждаютъ такъ: «все равно, и нея, такъ другой». И вотъ они наперерывъ оспариваютъ другъ у друга свое право на подлость.

Какъ-же общество относится къ вору и убійцамъ подобнаго рода? Пользованіе чужою собственностью у насъ строго наказывается по закону. Если голодный мальчишка подмастерье украдетъ съ чужого прилавка калачъ, его возьмутъ за шиворотъ и потащутъ въ участокъ, гдѣ его будутъ судить и наказывать за кражу трехкопѣчнаго калача. Не въ калачѣ конечно суть, но въ принципѣ. Прин-

ципъ прежде всего! Нужно предупреждать порочныя наклонности; заблаговременно ограждая общество отъ вреднаго члена.

Ну, а какъ-же поступаетъ общество съ тѣми великолѣпными господами въ цилиндрахъ, которые всю жизнь питаются устрицами и невинными дѣвочками? Вѣдь если такого господина посадить на скамью подсудимыхъ, да раскопать всю его біографію, то окажется, что и каторги для него мало. О, нѣтъ, эти великолѣпные господа очень рѣдко занимаютъ столь низкое мѣсто—скамью подсудимыхъ. Развѣ ужъ какой-нибудь франтъ ограбить или застрѣлить кого, тогда другое дѣло. Крупная кража денежная, а тѣмъ болѣе убійство наповаль какимъ-нибудь оружіемъ производитъ потрясающій эффектъ. Мы возмущаемся, негодуемъ, убійцу судятъ и по статьѣ, предусмотрѣнной уложеніемъ о наказаніяхъ, сажаютъ въ тюрьму, или ссылаютъ на каторгу.

А моральное убійство?—Такой статьи у насъ нѣтъ и такіе убійцы, высоко поднявъ голову, преспокойно разгуливаютъ по бѣлому свѣту. Да, душа человѣческая у насъ ни во что не цѣнится. А тѣмъ болѣе, что такое для нашего правосудія душа женщины? Съ точки зрѣнія закона, трехкошечная булка дороже женской души, и самые гнусные убійцы женщинъ бывають приняты въ самомъ лучшемъ обществѣ. Пока такой убійца въ маленькомъ чинѣ, съ нимъ еще можно расправиться. У насъ вообще много не церемонятся съ мелкой сошкой, у которой всего на грошъ амуниціи. Но скажите, гдѣ найдется тотъ смѣльчаекъ, который дастъ хорошій щелчекъ великолѣпному господину съ густыми эполетами на плечахъ, со звѣздой на груди, которому всѣ сильные міра сего пожимають руки, величая „Вашимъ Превосходительствомъ“. Если и найдется такой герой, то только въ видѣ исключенія, а масса у насъ до сихъ поръ заражена мелкоугодничествомъ и чиновочитаніемъ. Молчалины далеко еще не перевелись на Руси.

Общество жестоко караетъ каждый ложный шагъ женщины, но мужчинѣ все позволительно. И мужчина широко пользуется своей исключительной безнаказанностью, пользуется своимъ правомъ сильного,

У насъ только говорятъ, что женщина „такой-же человекъ“, но въ дѣйствительности женщину еще не при-

знали за настоящаго совершеннолѣтняго человѣка. Я говорю, разумѣется, о массѣ. Наше рутинное общество упорно всѣми своими предразсудками отрицаетъ въ женщинѣ живую человѣческую личность. Личность женщины до сихъ поръ ничѣмъ неограждена отъ обмана и насилія со стороны мужчины. Если вы имѣли несчастье родиться женщиной, то всякій негодяй можетъ притти къ вамъ, насмѣяться, надругаться надъ вами, отнять все, что у васъ было дорогого, разбить ваше сердце, разбить всю вашу жизнь и затѣмъ также спокойно удалиться.

Но должно-же, наконецъ, общество сознать всю несправедливость такого отношенія къ женщинѣ. Когда мужчина обманомъ посягаетъ на личность женщины, онъ совершаетъ преступленіе, и за такой обманъ его нужно карать какъ преступника.

Въ паденіи женщины почти всегда бываетъ виновенъ мужчина. Если мы прослѣдимъ исторію любой проститутки, то убѣдимся, что изъ 100 случаевъ въ 90 началомъ исторіи послужила какая-нибудь несчастная любовь или роковая ошибка. Трудно ступить только первый шагъ на пути порока, а тамъ человѣкъ совсѣмъ легко катится внизъ по наклонной плоскости. Но когда женщина впервые вступаетъ на скользкій путь порока, она обыкновенно совсѣмъ не знаетъ жизни, она не знаетъ, куда идетъ и каковы будутъ послѣдствія ея ошибки. Но мужчина, соблазняющій уже не первую дѣвушку, отлично знаетъ, куда ее толкаетъ, знаетъ всѣ послѣдствія, которые могутъ ожидать его жертву. Однако по своему легкомыслію такой мужчина никогда не думаетъ о послѣдствіяхъ. Онъ просто живетъ себѣ, наслаждается, срываетъ цвѣты удовольствія, бросая на произволъ судьбы одну женщину за другой. Но такое легкомысліе уже граничитъ съ подлостью. Легкомысліе мужчины объясняется тѣмъ, что самъ онъ никогда не страдаетъ отъ своихъ ошибокъ и увлеченій. Страдательнымъ лицомъ всегда бываетъ женщина. Нужно сдѣлать такъ, чтобы и мужчина являлся отвѣтственнымъ за свои ошибки. Когда онъ пострадаетъ хорошенько разъ, другой, тогда у него поубавится легкомыслія—поменьше будетъ дѣлать ошибокъ.

Если женщина стоитъ внѣ закона, то само общество должно ее взять подъ свою защиту. Но общество состоитъ изъ тѣхъ-же мужчинъ, потому то общество и выгоражи-

ваает своего брата мужчину, обрушиваясь всею тяжестью порока на слабую, беззащитную женщину. Съ уравненіемъ всѣхъ человѣческихъ правъ и женщина будетъ такимъ-же полноправнымъ членомъ общества и уже теперь она можетъ подавать свой голосъ самозащиты. И женщина должна, отбросивъ ложный стыдъ и ложное самолюбіе, предавать гласности всѣ безчестные поступки мужчинъ. Есть вещи, о которыхъ только не принято говорить, но если-бы у каждой изъ насъ хватило духу рассказать всю исторію своей жизни, то мы убѣдились-бы въ слѣдующей печальной истинѣ: рѣдкая женщина нашего времени можетъ похвалиться такимъ счастьемъ, что она ни разу не была обманута.

Да, нужно окончателно выбить изъ головы мужчины нелѣпую мысль, будто женщина—игрушка, созданная исключительно для услады сильной половины рода человѣческаго.

Но чтобы заставить мужчину смотрѣть на женщину другими глазами, необходимо перевоспитать совершенно женщину. Подъ давленіемъ вѣкового рабства наша женщина утратила всякое чувство собственнаго достоинства. Нужно поднять женщину въ ея собственныхъ глазахъ, развить въ ней сознаніе человѣческой личности. Вопросу о воспитаніи у меня посвящена публичная лекція: „Любовь и бракъ или нравственныя задачи нашего времени“.

*
**

Проституція губительно дѣйствуетъ на общество, порождая безграничную свободу чувства и совершенно извращая понятіе о свободѣ чувства человѣка, какъ существа разумнаго.

Нужно сказать, что вообще въ настоящее время всѣ помѣшались на свободѣ. Свобода политическая намъ необходима. Это истина очевидная для всякаго здравомыслящаго человѣка и потому не требующая доказательствъ. „Безъ свободы нѣтъ движенія впередъ“. По выраженію поэта, свобода нужна для того, чтобы „итти дорогою свободной куда влечетъ свободный умъ“. Но современные люди не удовлетворяются политической свободой, они требуютъ также полной свободы чувства. Свобода чувства—

прекрасная вещь для человѣка развитого. Но какъ понимаетъ свободу чувства некультурная масса? Замѣтите, что свободу чувства проповѣдуютъ именно тѣ мужчины, которые понимаютъ любовь, какъ разнообразіе, постоянную смѣну впечатлѣній,—мужчины, называющіе любовью всякій капризъ, всякое минутное увлеченіе.

Женщинѣ нормальной, неиспорченной до мозга костей вовсе не нужна такая свобода чувства. Каждая женщина хотѣла-бы любить только одного; но если ей приходится иногда раздѣливаться на мелочи, то лишь въ силу печальной необходимости, такъ какъ она не можетъ найти, именно этого одного. Почти въ каждой женщинѣ чувствуется тяготѣніе къ семьѣ, къ тихой, спокойной, уравновѣшенной жизни.—Такова уже женская натура. Между тѣмъ какъ рѣдко можно встрѣтить мужчину, который удовлетворялся-бы только одной женщиной. Вотъ потому-то они и проповѣдуютъ свободу чувства, чтобы можно было мѣнять женщинъ какъ перчатки.

Разбирая свободу чувства, мы наталкиваемся на вопросъ о свободѣ воли: существуетъ-ли свобода воли? Какой-то философъ сказалъ: Наиболе культурный человѣкъ есть въ то-же время и наименѣ свободный. «Вполнѣ свободнымъ является только дикарь или круглый идиотъ». И мы съ этимъ совершенно согласны. Человѣкъ, какъ существо разумное, связанъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ тысячью тончайшихъ нитей. Человѣкъ держитъ въ рукахъ его собственный разумъ, или его „Само“, какъ выражается Ницше. Это нравственное „я“ человѣка управляетъ всѣми его дѣйствіями. Это нравственное „я“ человѣка и есть то критическое начало, которое, на обыденномъ языкѣ называясь совѣстью, отличаетъ человѣка отъ животнаго.

Теперь какъ-же нужно понимать свободу чувства? У всякаго разумнаго существа есть и должна быть въ жизни какая-нибудь руководящая нить, или цѣль жизни, для которой оно живетъ. И къ этой-то цѣли должны подгоняться всѣ чувства и мысли человѣка.

У такого разумнаго существа даже и не можетъ быть того свободнаго безотчетнаго чувства, которое прилетаетъ какъ вихрь неизвѣстно откуда и неизвѣстно зачѣмъ.

Чувства такого человѣка никогда не идутъ въ разрѣзъ съ его разумомъ. Слѣдовательно, такое разумное чувство ни-

когда не должно служить цѣлю или самоулаженіемъ: оно является лишь средствомъ для достиженія высшей цѣли, поставленной разумомъ.

Короче говоря: чувство никогда не должно унижать, порабощать человѣка, а напротивъ должно возвышать его облагораживать. Разумѣется, здѣсь я разсматриваю нормальнаго человѣка съ уравновѣшенной душой, не касаясь такихъ ненормальныхъ патологическихъ состояній, какъ на примѣръ, аффектъ или страсть, затемняющая разсудокъ, парализирующая волю.

Такимъ образомъ мы видимъ, что у человѣка нормальнаго, при наличности всѣхъ душевныхъ силъ, чувство всегда является ограниченнымъ со всѣхъ сторонъ рамками его внутренняго „я“.

Слѣдовательно, какую-же можно сдѣлать оцѣнку нынѣ существующему ученію о свободѣ чувства?

Если уже проповѣдывать столь опасное ученіе о свободѣ чувства, то нужно его подгонять къ нормальному, а не къ извращенному ложной культурой человѣку. И мы можемъ сказать только одно, что нынѣ существующее ученіе о свободѣ чувства ложно по существу, такъ какъ оно считается не съ нормальнымъ человѣкомъ, а съ извращенными психопатами.

Свобода—великое благо и великое право человѣка. Но есть въ природѣ такіе звѣри, которыхъ обязательно нужно держать въ клеткахъ. По логикѣ вещей никакой свободы для нихъ не полагается. Можетъ быть, это не гуманно, за то рационально. И современные матеріалисты своимъ ложнымъ ученіемъ о свободѣ чувства только губятъ то самое человѣчество, о благѣ котораго они также усердно радѣютъ.

Не признавая никакого духовнаго начала, никакихъ границъ для мысли и чувства человѣка, эти господа отрицаютъ всякую нравственность. Но съ уничтоженіемъ нравственнаго элемента отъ чувства остается одна физиологическая, или животная сторона. Тутъ ужъ, дѣйствительно, нельзя поставить никакихъ границъ, свобода чувства полная; какую можно наблюдать только у животныхъ. Но подобное свободное проявленіе чувства будетъ не чувство, а чувственность. Не слѣдуетъ этого смѣшивать. И такая свобода чувства уже будетъ не свобода чувства, а развратъ. И некультурная масса именно въ такомъ смыслѣ и пони-

масть свободу, какъ полную разнузданность всѣхъ животныхъ инстинговъ.

Взгляните на наше общество! Теперь и дамы не отстають отъ мужчинъ. Сегодня она любитъ одного, завтра бросается на шею другому, послѣ завтра обнимаетъ третьяго. И все это сваливается на свободу чувства. И все это сдѣлала наука. И всѣ эти полу-люди, полу-звѣри называютъ себя культурными людали. Но помилуйте, развѣ культура состоитъ въ томъ, чтобы, распустивъ всѣ возжи, мчаться куда глаза глядятъ, какъ дикій кабанъ, свободно удовлетворяя свой инстинкты? На что намъ эта свобода, когда она не возвышаетъ человѣка, а напротивъ низводитъ его на уровень звѣря? Право, лучше ужъ быть несвободнымъ человѣкомъ, чѣмъ такимъ свободнымъ звѣремъ!

Чувство играетъ громадную роль въ жизни человѣка. Быть можетъ, мы половину жизни живемъ чувствомъ. Но стѣснять свободу чувства, какъ мы доказывали выше, можетъ только наша собственная критика. Если-же мы станемъ проповѣдывать полную свободу чувства для всѣхъ и каждаго, это значить, что мы цѣлую половину жизни хотимъ освободить отъ критики. Но помилуйте, что это будетъ? Весь міръ перевернется вверхъ дномъ. И такъ уже масса людей ходятъ чуть не на головахъ.

Результаты опаснаго ученія о свободѣ чувства передъ нами на лицо. Вся наша жизнь обратилась въ сплошной Невскій проспектъ. Люди страшно измельчали, опошлелись. Совсѣмъ не чувствуется въ современномъ человѣчествѣ руководящей нити, нѣтъ цѣли жизни. Не знаемъ мы, куда идемъ и зачѣмъ живемъ? Всѣ стремятся только къ одному: широко пожить, вовсе не замѣчая того, что эта широта растетъ насчетъ глубины. Каждый изъ кожи лѣзетъ вонь, чтобы блеснуть, плѣннить, поразить, пустить пыль въ глаза. А такъ какъ наука „руководительница жизни“ отрицаетъ всякую нравственность, то для этихъ цѣлей не брезгаютъ никакими средствами. Теперь все стало продажнымъ: и совѣсть и честь, нѣтъ у человѣка за душой ничего святого.

Проституція исподволь незамѣтно наполнила всѣ клѣтки нашего общественнаго организма. Продажность изъ сферы половыхъ отношеній перешла во всѣ области жизни. Развилась умственная и нравственная вялость, и дреблосъ, полнѣйшая безынициативность, оскудѣніе идеаловъ. Развилась самая гнусная проституція — проституція души и сердца.

продающихся по сходной цѣнѣ. Такимъ образомъ мало-по-малу расшатались всѣ жизненныя основы.

Наконецъ, само общество почувствовало, что такъ жить нельзя и тогда всѣ закричали въ одинъ голосъ: „Какъ ужасно опошлился нашъ вѣкъ!“ Но скажите, кто-же въ этомъ виноватъ? Мы сами сдѣлали изъ своей жизни сплошной Невскій проспектъ. Однако, если мы захотимъ, то Невскаго проспекта не будетъ.

Теперь возникаютъ разныя общества для борьбы съ проституціей, устраиваются дома трудолюбія, убѣжища и т. п. Но все это паллиативныя мѣры. Нужны коренныя реформы экономическихъ условій нашей жизни.

Невозможно дольше терпѣть эту постыдную торговлю женскимъ тѣломъ ради куска хлѣба! Быть можетъ, со временемъ совершенно исчезнетъ проституція въ этомъ грубомъ видѣ. Но однихъ экономическихъ реформъ недостаточно. Если мы ограничимся только этими реформами, то беспорядочныя отношенія между мужчиной и женщиной не прекратятся, напротивъ, развратъ будетъ все расти и усиливаться уже исключительно на почвѣ извращенной натуры. Развратъ усилится потому, что теперь масса жизненной энергіи поглощается борьбой за существованіе. Когда-же въ будущемъ, обновленномъ строѣ жизни борьба за существованіе сведется до минимума, тогда весь освободившійся остатокъ энергіи некультурной массы направится въ сторону животности. Бѣдный ограниченный человѣкъ безъ высшихъ стремленій, безъ цѣлей, безъ идеаловъ, задыхаясь въ своей собственной пустотѣ, или будетъ кончать жизнь самоубійствомъ, или же обратится въ настоящаго звѣря. Таково можетъ быть наше будущее, такъ какъ къ этому клонится вся современная культура.

Чтобы избѣжать этого печальнаго будущаго, необходимо теперь же наполнить жизнь новымъ, болѣе глубокимъ содержаниемъ. Необходимо развить человѣческую личность, поднимая міросозерцаніе человѣка, поднимая его упавшую нравственность.

Каждый честный, мыслящій человѣкъ и гражданинъ не можетъ не думать о благѣ дорогого ему отечества, о благѣ своей націи. Но чѣмъ велика и сильна всякая нація? Не золотомъ, не войскомъ, не матеріальными богатствами. Нація велика и сильна *духомъ* своихъ гражданъ. Въ каждой націи самой природой заложены извѣстныя духовныя

начала. Эти духовныя начала растут и развиваются путемъ наслѣдственности посредствомъ передачи отъ родителей къ дѣтямъ. Растутъ и укрѣпляются эти духовныя начала только систематическимъ путемъ воспитанія. Значить здѣсь уже подразумѣвается семья.

Но какая можетъ быть у насъ семья и какое воспитаніе, когда въ нашемъ обществѣ процвѣтаетъ полнѣйшая полигамія? Изъ христіанъ мы обратились въ магометанъ.

Думаемъ-ли мы серьезно о подрастающемъ поколѣніи? Помѣшанные на свободѣ чувства современные люди живутъ не чувствомъ, а чувственностью. Они или совершенно искажаютъ свою природу, при помощи шарлатанства и науки, или въ случаѣ появленія дѣтей разбрасываютъ ихъ куда попало. Пихаютъ по воспитательнымъ домамъ, воспитываютъ по деревьямъ вмѣстѣ съ поросятами, или прямо, какъ щенятъ, бросаютъ въ помойныя ямы.

Я встрѣчаю даже очень развитыхъ людей, которые такъ легко смотрятъ на этотъ вопросъ. Какое возмутительное извращеніе природы, какая низость! Сами они живутъ, наслаждаются всѣми благами бытія, а дѣтей своихъ, плоть отъ плоти своей, преспокойно бросаютъ за бортъ жизни, какъ нигуда негодный хламъ.

Обыкновенные средніе люди иногда хоть страдаютъ отъ сознанія собственной подлости,—ихъ мучить совѣсть. Но эти господа передовые, переученные люди (позволю себѣ такъ выразиться) считаютъ себя вполне правыми и даже никогда ихъ не мучитъ совѣсть, которой они не признаютъ. Такой сухости, черствости я ни у кого болѣе не встрѣчала, какъ именно у этихъ ученыхъ, передовыхъ людей. Не думаютъ они о судьбѣ своихъ дѣтей на томъ, видите-ли, основаніи, что это дѣти „незаконныя“. О, различные люди, они такъ презираютъ всякую законность, но тутъ, когда это имъ выгодно, они признаютъ законъ.

„Я не чувствую себя виноватымъ. Когда я сходилъ съ этой дѣвицей, то ничего ей не обѣщалъ“,—прехладнокровно заявилъ мнѣ одинъ изъ такихъ господъ, когда я ему рассказала, какъ на моихъ глазахъ умирала жертва его увлеченія. Она отравилась, покинутая имъ во второмъ періодѣ беременности.

Этотъ ученый господинъ даже не понималъ того, что дѣвушка, незнающая жизни и мужчинъ, въ моментъ увлеченія никогда не проситъ и не требуетъ отъ своего воз-

любленнаго никакихъ обѣщаній. Она слишкомъ беззавѣтно вѣритъ въ благородство любимаго человѣка и къ тому-же, потерявъ на время рассудокъ, она просто любитъ, вовсе не думая о послѣдствіяхъ своей любви. А мужчина этимъ моментомъ пользуется, прикинувшись такимъ воплощеннымъ благородствомъ, что дѣвушкѣ даже и въ голову не приходитъ заподозрить низменность его побужденій. Вѣдь если-бы мужчина не рисовался, не скрывалъ своей мелкой душонки, а былъ-бы вполне самъ собою, то всякая женщина сразу увидѣла-бы, на что онъ способенъ и онъ ничего-бы отъ нея не получилъ. Значить, онъ беретъ женщину только обманомъ и въ то-же время нисколько не считаетъ себя обманщикомъ. Но развѣ лгутъ только словами? Можно лгать взглядомъ, улыбкой, едва уловимымъ намекомъ, можно лгать всѣмъ своимъ видомъ.

Хотя прямого обмана въ данномъ случаѣ не было и мужчина, погубившій такимъ образомъ дѣвушку, юридически выходитъ правымъ, но здѣсь была косвенная ложь, противъ которой возмущается совѣсть того, у кого она есть. Но у этихъ „образованныхъ“ людей, по ихъ собственному признанію, нѣтъ никакой совѣсти.

Вообразите себѣ такую картину: его жертву опускаютъ въ могилу, а онъ стоитъ такимъ фертномъ, подбоченясь и хладнокровно говорить: „Сударыня, не будьте на меня въ претензіи, вѣдь я ничего вамъ не обѣщаль“. Затѣмъ онъ преспокойно возвращается къ своимъ дѣламъ. Что значить для него эта маленькая, угасшая жизнь? Онъ рѣшаетъ судьбы міра, онъ—благодѣтель человѣчества! Для блага человѣчества и для собственного блага онъ готовъ раздавить сотни такихъ жизней. Да, какъ это ни грустно, а нужно сознаться, что наука очень часто вытраиваетъ изъ человѣка и душу и сердце.

Но сколько ни мечтаютъ, сколько ни философствуютъ эти благодѣтели рода человѣческаго о нашемъ прекрасномъ будущемъ, это будущее благополучіе можетъ только чудомъ свалиться къ намъ съ неба. Однако эти господа матеріалисты отрицаютъ всякія чудеса. Но если-бы прямо на навозной кучѣ выросла роза, если-бы изъ нашей скверной дѣйствительности вышло что-нибудь хорошее, то это было-бы именно чудомъ. Кто глубоко наблюдаетъ жизнь, тотъ видитъ кругомъ сплошную ложь и грязь. Какъ прежде, такъ и теперь всюду забивается человѣческая личность.

Только съ тою разницею, что раньше давили человѣка силою кулака, во имя грубаго произвола, а теперь его давятъ во имя матеріалистическихъ идей современной науки. Эта наука преслѣдуетъ пока одни узкіе, чисто животныя интересы человѣчества. Всѣ усилія науки направлены въ одну сторону: экономическаго благосостоянія человѣка, какъ двуногаго животнаго.

Эта матеріалистическая наука, страдая маніей величія, беретъ на себя смѣлость отрицать то, чего она не знаетъ, до чего она еще не доросла: отрицаетъ всякое духовное начало. Но скоро настанетъ время, когда всѣ убѣдятся, какая это грубая ошибка. И теперь уже люди, живущіе сознательно, чувствуютъ въ нашей жизни какой-то страшный пробѣлъ, хотя многіе еще не умѣютъ его назвать. Настанетъ время, когда центромъ всѣхъ наукъ сдѣлается психологія. Люди начнутъ усердно искать Бога путемъ изученія человѣческой души и восторжествуетъ, наконецъ, человѣческая личность.

Мы будемъ вѣрить и надѣяться, что, глубоко разобравшись въ недочетахъ жизни, наука выйдетъ въ концѣ концовъ на этотъ истинный путь. И обновленная наука, согрѣтая истинной любовью къ человѣчеству, горячо примется за излеченіе его язвъ, изъ которыхъ самое главное зло представляется проституція.

Проституція именно тѣмъ и ужасна, что подавленіе человѣческой личности нигдѣ не достигаетъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ этой грубой формѣ животнаго общенія, низводящей разумное человѣческое существо на уровень дикаго звѣря.

Проституція страшный бичъ человѣчества, стыдъ и позоръ всего цивилизованнаго міра.

Каждый честный, мыслящій человѣкъ и гражданинъ долженъ принять посильное участіе въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Теперь, когда это чудовище—проституція гложетъ насъ со всѣхъ концовъ, пора намъ, наконецъ, опомниться. Пора, пора подумать о спасеніи!

Безчестно поступаетъ не только тотъ, кто поддерживаетъ проституцію прямо или косвенно, но также и тотъ, кто замалчиваетъ это зло. Никонимъ образомъ нельзя замалчивать столь вопіющее зло. И теперь каждый долженъ говорить о немъ громко и открыто. И пусть каждый гово-

рять, какъ можетъ, какъ умѣетъ, не смущаясь никакой критикой, помня только одно, что „капля по каплѣ камень долбитъ“. По вопросу о проституціи существуютъ цѣлыя научныя трактаты, къ которымъ наша скромная статья послужить нѣкоторымъ дополненіемъ.

В. Недешева.

Продаются во в
С.-Петербур

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

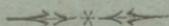
2-08-08291

Того-же автора.

- «Любовь и бракъ» (публичная лекція) ц. 20 к.
- «Исповѣдь» ц. 10 к.
- «Бунтъ» ц. 10 к.
- «Къ свободѣ» ц. 10 к.

Готовятся къ печати.

- «Богатыри Земли Русской! гдѣ вы?»
- «Къ свободѣ» (2-ая публичная лекція).
- «Сердцеѣдь».
- «Черезъ сто лѣтъ».
- «Очерки провинціи».
- «Моя жизнь».
- «На порогѣ жизни».
- «Поздняя любовь».
- «Поздно».
- «Около Государственной думы».

Складъ изданій: Спб., Воскресенскій пр., д. № 20,
кв. № 28 у В. И. Недешевой.